

Светлана Замелова

КАТЯ ВАРЕНЦОВА

Если бы, не дай Бог, Катя оказалась на улице одна и какой-нибудь заботливый, а может, просто любопытный прохожий спросил её: «Ты чья, девочка?», она, не задумываясь, ответила бы следующее: «Меня зовут Катя Варенцова. Мне пять лет. Я живу с мамой и папой на Серебрянической набережной в доме номер пятнадцать дробь семнадцать». Родители научили Катю на всякий случай, надеясь, что этот самый случай никогда и ни за что не случится.

Правда, было это давно – ещё в прошлом году, до войны. А теперь Кате шесть лет, идёт война, и живут они вдвоём с мамой.

Война началась так неожиданно, что долго ещё ничего нельзя было разобрать. Слов кругом говорили много, но смысл прятался в словах, как старая коряга в густом тумане. Это напоминало какое-то колдовство, которое тоже всегда начинается внезапно и само просто так не заканчивается. Вокруг Кати всё постепенно стало меняться, переворачиваться, словно бы Катя вдруг очутилась в сказке. Только вот сказка на сей раз была страшной.

Сначала изменился город. «Москву заколдовали», – думала Катя. Очень быстро весёлая и нарядная прежде Москва стала мрачной и серой, затянутой в какие-то лохмотья, как обедневшая и без времени постаревшая красавица. Было похоже на волшебное превращение, но волшебство было злым – вдруг явился колдун и обратил прекрасную царевну в старуху. Конечно, все знали, что старуха ненастоящая, и потому изо всех сил добивались, чтобы чары поскорее спали. Но это оказалось непросто – колдун был силён.

По набережной больше не гуляли красивые пары, зато носились грузовики, о которых говорили, что они везут для фронта. На улицах и во дворах перестали смеяться. Даже трамваи на бульваре огрызались злобно. Да что там трамваи! Стали происходить совершенно невозможные вещи: несколько раз, когда маме не нужно было утром на дежурство в больницу, они ходили ночевать в метро на «Площадь Дзержинского». Слышанное ли дело: весь зал уставлен кроватями, а кругом – люди, люди... И всё женщины с детьми, такими, как Катя, поменьше, постарше. Катя никогда прежде не видела такого количества людей, спящих бок о бок. И кто бы мог подумать, что метро превратится в ночлежный дом! Это мама так говорила, а Катя лишь повторяла, потому что ей нравилось выражение «ноч-

лежный дом». Наверное, это такой дом – волшебный, – где все только и делают, что спят. Настоящее сонное царство! Таким царством теперь стало метро – спит «Площадь Дзержинского», спит «Маяковка», спят «Сокольники» – спят и другие большие и малые станции. Спят спокойно и не слышат сирены, похожей на голос невиданного и невидимого чудовища. Вой этой жуткой сирены проникал в самое нутро, и Кате казалось, что она слышит его животом.

Спят и не бегут среди ночи в подвал, где, как в доме на Серебрянической на бережной, устроено своё маленькое бомбоубежище. Спят и не боятся самолётов – ужасных железных птиц, которым ничего не стоит разрушить школу, трамвай и даже водопровод, живущий глубоко под землёй.

Но главное, Москва вдруг обезлюдела, опустела, а тех, кто исчез из города, стали называть отчего-то «выковыренными». Правда, мама говорила как-то по-другому, но всё равно было похоже на «выковыренных». Катя не знала, почему их так называли, но ей было приятно думать, что они с мамой никакие не «выковыренные» – живут, как и жили раньше, в доме номер пятнадцать дробь семнадцать, и никто их отсюда не посмеет выковырять. Жаль только, что папа уехал. Но ведь он и раньше уезжал, а потом всегда возвращался. Только раньше это называлось «в командировку», а теперь – «на фронт». Но и тогда, и сейчас Катя скучала по нему, по его голосу и по табачному запаху, от которого перехватывало дыхание, когда папа целовал её и накрепко обдирали лицо своей щетиной.

– Борода! Борода! – визжала Катя, уклоняясь от отцовых ласк, нисколько, впрочем, не желая их прекращения.

– Ух ты, Катюха! – смеялся папа и подбрасывал её в воздух, как какого-нибудь котёнка. – Пузырь!..

Но папа – не «выковыренный», нет. Он – офицер и уехал на фронт. Вот мамина сестра тётя Ляля – совсем другое дело. Она – самая что ни на есть «выковыренная», потому что ещё в сентябре с Бусей и Марусей уехала из Москвы в Сталинград. Мама потом вздыхала:

– Господи! И смех, и грех... Да кто знал?..

Катя сначала не понимала, чем это тётя Ляле так не понравился Сталинград, что оттуда она через месяц подалась на Урал. И когда Катя наконец спросила об этом у мамы, мама чуть не заплакала:

– Да там же немцы!.. – И тихо добавила: – И папа...

Ух, эти немцы! Это слово стало самым страшным. Всему, что не так, – причиной кошмарные, неодолимые немцы. Кто они такие и что им было нужно, Катя не понимала, но сразу начала их бояться. А в октябре все испугались. И все говорили только о немцах. Во всяком случае, Катины соседи – Милочка Солодова и Мунька Бернштейн, сходясь во дворе, говорили только о немцах. Милочке было девять лет, а Муньке – все десять. Катя считала их взрослыми и очень умными.

– Говорят, Москву немцам оставляют, – шептал во дворе Мунька. И непонятные его слова вылетали изо рта паром в холодный октябрьский воздух.

– Не может быть! – выдыхала Милочка.

– Ещё как может!..

Значит, немцам нужна Москва, думала Катя, укладываясь спать. И немцам Москву отдадут. Всю большую Москву – с домами и улицами, с Мавзолеем и Мунькой, с Катей и Милочкой, с мамой и Большим театром, с Яузой и Астаховским мостом...

– А правда, что Москву отдадут немцам? – спросила Катя у мамы, когда и мама уже укуталась в одеяло.

– Кто это тебе сказал? – Мама даже приподнялась на локте. – Впрочем, я догадываюсь. Это ведь Михаил забивает вам головы разным вздором?.. Завтра я поговорю с ним, чтобы он поменьше болтал.

– Не надо, – наморщила нос Катя, – не говори...

– Ну хорошо, – согласилась мама, снова кутаясь, – только прошу тебя: не повторяй разные глупости! Ты ведь большая... Никто Москву не отдаст, поняла?.. Никто!

И хоть Катя верила маме больше, чем Муньке, всё же вокруг ничто не сулило хорошего. Мечущиеся в ночном небе лучи прожекторов скрещивались на стене, и в этих световых пятнах появлялись тени фарфоровой собаки, стоявшей на комод, и двух висевших рядышком чучел – белки с шишкой в лапах и совы с жёлтыми стеклянными глазами. Когда свет падал на сову, глаза её на мгновение вспыхивали, и казалось, что вот-вот сова взмахнёт крыльями, ухнет, расхохочется и улетит. Конечно, сделав напоследок что-нибудь настолько коварное, что даже подумать нельзя.

Белка была страшна, как никто другой. Глядя на её тень, Катя думала, что видит чёрта: уши с кисточками походили на рога, чуть изогнутая спинка – на безобразный горб, а шишка в лапах – не то на гигантского жука, не то и вовсе на какое-то страшное орудие, о предназначении которого Катя не знала, но не сомневалась, что это что-то чрезвычайно опасное. Шли ночи, но ни сова, ни белка, ни фарфоровая собака не покидали насиженных мест. Только сова, посверкивавшая глазами, вызывала наибольшие подозрения и заставляла Катю наблюдать за совой, высунув нос из-под одеяла. И, как оказалось, не зря. Сова и белка накликали беду.

Как-то давно Катя видела в парке, как мальчишки разворошили палкой муравейник. Потревоженные муравьи заметались, забегали и, по-видимому, совершенно растерялись. В середине октября Москва стала похожа на такой растревоженный муравейник. Казалось, что повсюду хлопают двери, все куда-то бегут и уносят всё, что могут унести. Трамваи и вовсе исчезли, а метро, как говорили, остановилось и не работает больше. Зато на улицах появились коровы и свиньи, целыми стадами направлявшиеся неизвестно куда. Кто бы мог подумать, что в Москве, оказывается, проживает столько свиней и коров! А ещё всю Москву заложили набитыми чем-то мешками. Выросли даже стены из мешков. Мунька сказал, что когда придут немцы, мы будем прятаться за этими стенами и стрелять. Катя возразила, что у них нет оружия. Тогда Мунька заверил её, что оружие им дадут. Но Катя ему не поверила.

Мама уже несколько раз плакала – Катя видела, что глаза у неё красные. А однажды мама сказала на кухне Солодовым:

– ...Вы даже не представляете!.. Из райздрава все сбежали... Вместе с машинами сбежали...

– Это что! – чему-то радуясь, объявила тётя Клава. – Вон из трамвайного парка бухгалтер убёг на машине. Да со всей зарплатой!

В тот день все толкались на кухне, чего-то ожидая от радио. Но радио молчало. Ждали в два часа, потом в пять...

– Должны сказать... – шептала мама, сжимая пальцы в замок. – Должны... Не могут нас бросить...

Но радио молчало, и Солодовы заговорили, что «всё, каюк Москве – там все разбежались, а нас сдают, бросили нас». Тогда Мунькина мама – тётя Мара – ушла с кухни, как будто обиделась.

А Катина мама одёрнула Солодовых:

– Перестаньте паниковать!.. Это паника. Как вам не стыдно...

Поздно вечером, когда Катя уже лежала в постели, а мама возилась с какими-то вещами у комода, в дверь к ним как сумасшедший заколотил Мунька. Мама пошла открывать, и едва только щёлкнул в двери замок, как Мунька, задыхаясь, каким-то яростным шёпотом объявил:

– Скорее... Скорее... Жуков будет выступать!

Мама, державшая в руках серый пуховый платок, бросила его в кресло и побежала за Мунькой на кухню. Катя выпрыгнула из постели, схватила брошенный платок и понеслась следом. На кухне столпились жильцы из всех комнат и молча слушали резковатый и уверенный мужской голос из чёрного приёмника. Из всего, что сказал голос, Кате запомнились только два слова: «военное положение». Но все вокруг были так рады, как будто ничего лучше военного положения просто не существовало на свете.

– Слава Богу!.. Слава Богу!.. – всё шептала мама, когда они с Катей, вернувшись, укладывались спать.

– А что такое «военное положение»? – решила всё же выяснить Катя.

– Это значит, что нас не бросили. Поняла?.. Не бросили... И уже не бросят... Спи!

Катя не совсем поняла и на всякий случай взглянула на сову. Сова зыркнула на неё жёлтым глазом и спряталась в темноте.

Зимой всё окончательно перевернулось. Даже еда стала – нарочно не придумаешь. Самым вкусным теперь были хлеб и нелюбимое когда-то Катей молоко. Но молоко появлялось нечасто и понемногу. Самым же противным была мёрзлая картошка, жаренная на рыбьем жиру. Бывала ещё каша – тоже с рыбьим жиром, паштет из дрожжей и селёдка, из-за которой долго потом хотелось пить. От такой еды оставалось только плакать. Но ничего не есть тоже не получалось.

Мама теперь целыми днями пропадала в своей больнице. А Катя в компании Муньки и Милочки поднималась по оледеневшему Николоворобинскому переулку прямо к Воронцову полю – к тому дому, где жила раньше какая-то купчиха, – чтобы съехать потом на салазках вниз, к набережной. С двух сторон от Кати мелькали по переулку дома, дыхание перехватывало от ветра, и было так весело, что Катя забывала даже про рыбий жир. И всё-таки, как ни странно, эта ледяная горка была теперь чем-то самым обыкновенным в новой Катиной жизни.

А ещё Мунька водил их в Сыромятники показать, где работает его дядя, который, по заверениям самого Муньки, заминировал Большой театр.

– Это на случай сдачи города немцам, – важно объяснял он.

Правда, к дяде их не пустили, но Мунька тогда предложил сходить на Тверскую к бабушке, у которой отключили отопление, и в квартире лежит снег, отчего бабушка не моется и носит на себе всю свою одежду, не снимая ни ночью ни днём.

– И теперь на ней – сто одежек!

– И всё без застёжек! – засмеялась Катя.

– Твоя бабушка что, капуста? – только хмыкнула Милочка.

– Увидите сами, – ответил Мунька таким тоном, как будто обещал показать Конька-Горбунка или Жар-птицу.

Мунька не соврал: в квартире у бабушки оказалось едва ли не холоднее, чем на улице. А сама бабушка была похожа на куклу, которую надевают на заварной чайник. Из-за холода бабушка и в самом деле носила на себе всё содержимое своего гардероба, отчего стала в три раза толще. Но что более всего поразило Катю, так это слой инея на стенах бабушкиной квартиры. Катя даже потрогала иней пальцем – он был настоящим: холодным, колючим и хрупким. Но едва только она подумала, что иней на стенах бывает только в пещерах волшебниц, как бабушка заговорила с ней:

– Что, детки?.. Холодно... Замёрз дом... Воду не спустили вовремя... До весны теперь. А там починят!.. А вот угощать мне вас нечем – одни дрожжи...

Катя испугалась, что бабушка заставит их есть дрожжи, и тут же отдёргнула от стены руку, одновременно обращая на Муньку молящий взгляд. Но Мунька и не собирался задерживаться – дрожжи ему тоже не улыбались. И он заторопился.

– Нет, ба, мы засиделись... – сказал он. – Нам пора.

– Твоя бабушка – волшебница? – спросила Катя у Муньки уже на лестнице.

– Думаю, нет, – как всегда важно ответил Мунька.

Когда они ещё только шли на Тверскую, завывла сирена, приглашая своим истошным воем в бомбоубежище. Приглашение, что и говорить, было не самым изысканным, но все давно согласились, что на войне не до галантности. В подвале дома, где жили Катя, Милочка и Мунька, было своё бомбоубежище. Но Кате не нравился сырой и тёмный подвал. Поэтому когда на полпути к Тверской – в Подколькольном переулке – их застигла сирена и следом за Мунькой они бросились в ближайшую арку, чтобы скрыться во дворе от возможного и внезапного появления на улице милиции, Катя обрадовалась.

Во дворе было пусто. На расчищенном от снега пяточке стояла скамейка – просто доска, положенная на два одинаковых чурбана. Рядом из сугроба торчал черенок лопаты и тянули замерзшие ветки тоненькие деревца. Казалось, что весь этот двор был нарисован углём на чистом листе бумаги. Следом за Мунькой Милочка и Катя уселись на скамейку, и все трое застыли. Так они и сидели рядом, прижавшись друг к другу на тесной скамейке: Мунька в ушанке, Милочка в круглой шапке с длинными ушами и Катя, затянутая крест-накрест в серый шерстяной платок. Но словно поджидая их, появился во дворе ещё и четвёртый – тощий, серый в полоску кот, запрыгнувший на скамейку, усевшийся рядом с Катей и тесно прижавшийся к ней боком. Всё оставшееся время, пока бесновалась сирена, они сидели уже вчетвером на деревянной скамейке.

У Муньки в кармане пальто нашёлся кусок хлеба. Мунька отломил кусочек и молча передал Милочке. Милочка так же молча передала Кате. А Катя подсунула кусочек под нос коту. И кот не побрезговал – взял хлеб и, перекатывая его справа налево, наклоняя при этом голову то в одну, то в другую сторону, разжевал и проглотил. Потом коту дали ещё кусочек. И ещё один. Кот жевал сухой хлеб под вой сирены, даже не думая привередничать. Когда наконец сирена затихла, кот боднул Катю, точно благодаря за угощение и компанию, спрыгнул со скамейки и куда-то исчез. Причём так же внезапно, как и появился.

Невероятное и непостижимое случилось весной. Катя уже забыла, зачем им понадобилась Берниковская набережная на другом берегу Яузы. Им нужно было пересечь мостовую Серебрянической набережной, пройти до Астаховского моста и по нему спуститься на другой берег. Катя лишь помнила, как Мунька, перебежавший через проезжую часть, по которой с самого начала войны сновали взад-вперёд грузовики, махал им рукой и звал к себе. А Катя с Милочкой стояли перед своим домом на тротуаре и смотрели на Муньку.

– Ну давайте! – кричал Мунька. – Ну что вы там застыли?..

И Милочка первая сошла с тротуара на мостовую. А дальше опять началось колдовство. Ступив на мостовую, Милочка огляделась – дорога была пуста. Тогда Милочка побежала – лёгкая, гибкая, тоненькая. Но вдруг на середине дороги поскользнулась и упала на спину, смешно задрав ноги. В то же самое время с Астаховского моста выскочил на набережную грузовик. Милочка заторопилась, но едва только сделала шаг в сторону Муньки, как ботинок её снова скользнул по накатанной мостовой, и Милочка снова упала, только теперь – упираясь в мостовую коленками и ладонями. Катя видела, что уши круглой Милочкиной шапки касаются мостовой, а сама Милочка, обернувшись в сторону грузовика, пытается отползти от скользкого места. Но было уже поздно. Машина, не останавливаясь и даже не просигналив, помчалась мимо Кати. А когда она уехала, Катя увидела Муньку, мостовую и лежащую на боку Милочку с поджатыми к груди коленями. Её круглая меховая шапка лежала рядом, разметав свои длинные уши. Почему-то эта шапка больше всего и напугала Катю.

Ещё живую, Милочку отвезли в Яузскую больницу, где работала Катина мама. Но уже вечером Катя узнала, что Милочка умерла.

«Умерла...» – шептала Катя, сидевшая с ногами на своём диване и жавшаяся к спинке. Умерла...

– Убили ребёнка!.. – кричала в это время тётя Клава. А Катя, понимая и не понимая, что это значит, прислушивалась к этим крикам, доносившимся от Солюдовых.

– Убили! Ребёнка убили!.. За что? За что?.. Взяли так просто и убили... Как таракана какого раздавили... Гады! Гады проклятые!..

– Это немцы убили ребёнка? – спросила Катя у мамы, вернувшейся от Солюдовых, где она успокаивала тётю Клаву.

– Нет... Не немцы... – Мама ответила так странно, таким серым голосом, что Катя, хотевшая спросить о чём-то ещё, отказалась от своей затеи.

А летом – странное дело! – зацвели липы, принялись благоухать как ни в чём не бывало, как будто не было никакой войны на свете, не убивали детей, не падали бомбы на Большой театр и не нужно было есть мёрзлую картошку на рыбьем жиру. В липовом запахе было что-то неуместное, дерзкое, но в то же время... обнадеживающее. И все в доме как-то присмирели, стали приноживаться и говорить:

– Ах, как пахнут в этом году липы!.. Ведь и до войны так не пахли...

– Как хорошо пахнут липы! – повторяла за всеми Катя, которая почему-то удивилась, что липы всё-таки зацвели.

Их дом – номер пятнадцать дробь семнадцать по Серебрянической набережной – красивый, трёхэтажный дом был окружён липами и чугунной решёткой с

воротами. На ночь ворота запирались, и обитатели дома чувствовали себя совершенно защищёнными. Осенью липы грустили, а от опавшей листвы в комнатах стоял терпкий кисловатый запах. Зимой липы спали, застывшие и безразличные ко всему на свете. Весной начинали просыпаться и спросонья шевелили ветками, словно огромные жуки усамы. Потом просыпались окончательно, покрывались листьями-сердечками и принимались перешёптываться. А вскоре зацветали, и тогда весь дом наполнялся таким ароматом, что казалось, кто-то разбил неподалёку склянку духов.

Но всё это было до войны. До войны Катя вместе с родителями посадила среди лип два тополя. Как-то в начале весны мама принесла домой две тополиные ветки, их поставили в воду, и довольно скоро ветки покрылись маленькими зелёными пёрышками. С каждым днём пёрышки подрастали, пока не превратились в листья – длинные, липкие и душистые. Ваза стояла на подоконнике, и Катя каждый день забиралась на стул, чтобы потрогать листья. А когда стало тепло, они высадили ветки под липами. Катя помнила, что втроём они тогда чему-то смеялись. Чему?.. Разве кто-нибудь сможет теперь это объяснить?..

Осенью Катя пошла в школу на Воронцовом поле. К тому времени исчезли мешки с улиц города, а Мунькиной бабушке починили отопление. Бабушка сняла с себя лишнюю одежду и начала ходить с тётей Марой в Устьинские бани. Москва тоже понемногу сбрасывала с себя лохмотья и умывалась – чары постепенно спадали. Вернулась с Урала тётя Ляля, а с ней – Буся и Маруся. «Выковыренные», – подумала Катя, но вслух ничего не сказала, потому что Буся и Маруся были гошние, вшивые, а у Буси – ещё и бельмо на правом глазу. Кате очень бы хотелось рассмотреть его как-нибудь получше, но она боялась, что бельмо возьмёт да и перейдёт из больного Бусинога глаза в её собственный здоровый.

И всё же самое главное за это время случилось, когда Катя окончила второй класс. В то лето в Москву привезли немцев, много немцев. Мунька сказал, что они пленные и совсем неопасные. И что их нарочно привезли в Москву, чтобы показывать. Немцев поведут по улицам, а все будут стоять и смотреть. Кате очень хотелось увидеть немцев, почти как тигра в цирке. И они с мамой пошли на Земляной вал.

Сначала Катя не рассмотрела людей – по Земляному валу издалека и дальше ползла огромная серая змея. Так показалось в первое мгновение. Но потом Катя увидела людей в серой военной форме. И это были самые обычные люди с усталыми небритыми лицами. Они смотрели перед собой или себе под ноги, не желая встречаться ни с кем глазами. Шествие проходило в молчании, словно бы и участники, и зрители тяготились им, хоть и по разным причинам. Люди, окаймлявшие Земляной вал, одинаково сосредоточенно, с одним и тем же вопросом в глазах смотрели на серую змею, медленно уползавшую куда-то, чтобы никогда уж не появиться вновь.

– Пошли отсюда, – сказала вдруг мама таким же голосом, каким говорила тогда о Милочке. И они пошли домой.

Спустя месяца два им принесли письмо. Мама была на работе, и Катя долго крутила письмо в руках, прежде чем решилась прочитать. Письмо было с фронта, но не от папы – от него давно уже ничего не приходило. Вдруг Катя подумала, что, быть может, это кто-нибудь написал им про папу. И с этой мыслью решила открыть конверт.

Письмо было написано ужасным почерком. Часть слов Катя так и не разобрала. А в некоторых словах не смогла прочесть ни одной буквы. Но всё же смысл письма был ясен. Незвестный Кате человек, обращаясь к маме, уверял, что он хорошо знал папу и служил вместе с ним – с гвардии старшим лейтенантом Варенцовым. И что гвардии старший лейтенант – герой, потому что в Сталинграде, когда город «очищали от немецких захватчиков, он заметил вражеский дот, из которого противник вёл сильный огонь». Тогда вместе с каким-то своим товарищем «он смелым броском ворвался в дот и захватил трёх обер-ефрейторов, чем обеспечил продвижение наших войск и ускорил уничтожение оставшихся в городе фашистов». А потом – не в Сталинграде, а уже совсем в другом месте – он «во время нашей атаки, будучи тяжело ранен и оставшись в расположении противника, не сдался в плен, отстреливаясь из автомата до прихода наших подразделений. Горько писать об этом, но до госпиталя он не дожил. От полученных ран гвардии старший лейтенант Варенцов скончался...»

Дальше Катя не стала читать и решила спрятать письмо, чтобы мама ни за что его не нашла. Теперь она прекрасно знала, что значит «скончался». Это как с Милочкой. «Убили ребёнка», – говорили тогда. И это значило, что Милочки больше нет, она как будто уехала, только навсегда. Так далеко уехала, что уже никогда не вернётся. Никогда! Никогда! Можно умереть от тоски и ужаса, таящихся в этом слове!..

И вот теперь папа. Он тоже никогда уже не вернётся. Но ведь Катя всё равно будет его помнить. И мама будет. И тополь во дворе.

Что ж. Любая сказка заканчивается. Даже самая страшная. Только до конца доживают не все герои, даже если Добро побеждает Зло. Хорошо бы вовсе не знать этой сказки. Но война никого не спрашивает, навязывая знакомство.

